

ОТ АВТОРА

Помню, всё помню

Это уже не первая моя книга о героях разведки, но поверьте, ни одна из них не давалась так трудно.

Объясню почему. Писать о Герое Советского Союза Герворке Андреевиче Вартаняне мне и радостно, и в то же время больно: были мы хорошо знакомы еще с ноября 2000-го, когда впервые разрешили написать о нем и Говар Легоновне.

Тогда, в одном из не совсем открытых документальных фильмов о разведке, я увидел сидящего за столом президиума человека с Золотой Звездой на груди. Лица его не показали, но камера остановилась на руках. Я почему-то понял, что это руки хорошо поработавшего, немолодого и — абсолютно точно — восточного человека.

Однажды мне довелось общаться с тогдашним руководителем Службы внешней разведки России. И когда в конце нашей долгой беседы хозяин огромного кабинета задал дежурный вопрос, есть ли у меня какие-то просьбы или пожелания, я рискнул ответить совсем не традиционным «спасибо, никаких». Эпизод из фильма не давал мне покоя, и я выложил всё — и о Звезде, и о руках, и даже версию о том, что герой — откуда-то с Востока. Попросил, если возможно, о встрече. Директор никаких обещаний не давал, но сказал, что просьба услышана. Через пару лет я стоял на пороге квартиры Вартанянов в тихом московском закоулке.

Неудобно писать «мы подружились» — это было бы чересчур. Но общий язык был моментально найден. Возможно, свою роль тут сыграло случайное совпадение: свой диплом иняза я отработывал в Иране и два с половиной года с переменным успехом учил фарси, столь хорошо знакомый Вартапяну и мной не совсем до конца забытый.

Но это так, вершки. Притягивало иное. Желание собеседников рассказать, поведать. Встретившись и начав работу, ни Вартапяны, ни я еще не знали, до каких границ дозволена откровенность. И когда Гоар Леоновна начала: «Мы — Ани-та и Анри», мне сразу вспомнилась пара нелегалов из книги многолетнего начальника нелегальной разведки генерала Юрия Ивановича Дроздова, столько совершившая и уже не только в войну Отечественную, сколько в войну холодную. Впрочем, границу дозволенного нам довольно быстро закрыли на замок, ограничив рамки повествования Тегераном 1943-го и еще несколькими годами.

И все равно размах сделанного сидящими передо мной людьми понятен. Я находился в квартире пары, долгие годы спасавшей нашу страну от великих бед. И даже когда нам пришлось вернуться в сугубо ограниченный тегеранский период, интерес не пропал. Пусть так, пусть лишь это. Пока...

Вышел мой первый очерк, и его герои моментально отозвались благодарным звонком. Мы продолжали встречаться. С годами появлялись новые очерки, беседы. Кое-что всё же приоткрывалось. Детали, события, даже эпизоды, называемые в разведке «оперативными». Правда, никаких имен и названий стран. Однако мне, по свету поездившему, иногда чудилось, что узнаю и крутую горку в центре большого города, и опасный поворот в нескольких километрах от крошечного полусказочного княжества. Да и два-три лишь туманными мазками описанных Геворком Андреевичем персонажа виделись тоже узнаваемыми.

Однажды, накануне своего 85-летия, Вартанян преподнес подарок. Раздвинул временные границы. Никакой географии, и всё же ширина охвата, масштабы действия, развивавшегося по всему земному шару и в сотне государств больших и малых, раздвинулись. Хотя, подчеркиваю, не приобрели конкретных географических и временных рамок.

Давно заметил, что у семейных пар разведчиков-нелегалов как раз супруга, в отличие от подавляющего большинства представительниц прекрасного пола, склонна хранить молчание. Вот и Гоар Левоновна изредка обращалась к мужу: «Жора, это ничего — можно?» На что Геворк Андреевич обычно утвердительно кивал головой.

Впрочем, о каких-то житейских, порой комичных случаях, не имеющих отношения к разведке, Гоар Левоновна сама рассказывала с удовольствием. Например, любила вспоминать, как на первых порах вживания в новый образ, еще в «промежуточной» стране, она надолго задержалась в парикмахерской. И, расслабившись под сушилкой для волос, в обществе таких же уже подстриженных, но еще не высушенных дам, увидела через большое окно чуть заскучавшего мужа и крикнула ему по-русски: «Жора, я сейчас!» Муж исчез, потом шутил, что на всякий случай искал пути к отходу. А Гоар Левоновна осмотрела ряд женщин, сидевших под хорошо памятными по тем временам здоровенными колпаками-фенами. Никто ничего не услышал. Пронесло!

Отдам должное поварскому искусству Гоар Левоновны. Она не просто готовила — творила блюда восточной кухни. Без всяких излишеств, с дисциплинированной умеренностью мы отвеживали их с прекрасным коньяком, всегда из Еревана. Тосты хозяина и его юмор были незабываемы.

И еще мне очень нравилось в их квартире. Есть понятия уюта, ухоженности, вкуса, сияющей чистоты, поддерживаемой хозяйкой. Всё это относится и к жилищу Вартанянов. Всего именно в меру. Но сразу, с порога, ясно, что двое оби-

тателей побывали «там». На стенах несколько хорошо выписанных картин с порой узнаваемыми видами. Некоторые приятные вещицы в столовой напоминают о странах, где жили нелегалы. Преобладают, я бы заметил, ранние восточные, иранские тона. Не думаю, что это конспирация. Просто из Ирана в Советский Союз выезжали официально, собирались спокойно.

Встречались мы и на некоторых торжественных праздниках, где Геворк Андреевич и Гоар Левоновна были в роли хозяев, именно хозяев, никаких не «свадебных генералов», а я — в роли приглашенного.

Тут должен отметить, что Геворк Андреевич выступал всегда исключительно твердо. Порой приходилось становиться свидетелем определенных дискуссий о роли необычной профессии. Вартамян всегда ратовал за нелегальную разведку — как «высший пилотаж» разведывательной деятельности. Деликатно и одновременно решительно приводил доводы, против которых возражать не решались. Не то что оппоненты, а скорее имеющие иную точку зрения замолкали. И здесь нелегал Вартамян тоже продолжал одерживать свои победы...

Он называл меня «Николай, мой биограф». Порой Геворк Андреевич просил меня рассказать журналистам тот или иной эпизод из их с Гоар Левоновной жизни, дать интервью о нем в документальном или телевизионном фильме. Развернулись двухсерийные съемки документально-художественного фильма о Тегеране-43 из цикла «Поединки», и, узнав, что в соавторах сценария и его «биограф», Вартамян искренне — я это чувствовал — обрадовался. Честно скажу, таким доверием я гордился — ведь это сам Геворк Андреевич возвел меня в ранг такого специалиста, которому можно верить.

Мы часто перезванивались, виделись. Я убеждал Геворка Андреевича, что надо работать над откровенной книгой о их

жизни: потихоньку наговаривать ее на магнитофон, день ото дня добавляя новые эпизоды. Ведь кто знает, что в будущем, далеком или близком, будет можно и что нельзя. Он лишь посмеивался и молчал: только он знал о своей жизни всё. Наверное, понимал, что это знание останется лишь при нем.

Потом Гоар Леоновна долго лежала в госпитале — а ушел Геворк Андреевич... Гоар Леоновна говорила: «Поразительно, но Жора никогда не болел. Даже не помню, чтобы такое случилось. И лекарств не принимал. За все годы, что мы были “там”, — ни единой болезни».

Потому этот уход на 88-м году был именно неожидан, непредсказуем. Да, занедужил, но такая «глыба», как он, виделась нерушимой. Но нет...

Потом Гоар Леоновна рассказывала мне, что в канун последнего Нового для Геворка Андреевича года врачи отпустили его из больницы домой. Кажется, они уже знали, что болезнь не преодолеть. Вартаняны скромно отметили приход 2012-го. Утром Гоар Леоновна увидела мужа, собирающего вещи. Предложила: «Жора, может, останешься дома? На денек или хотя бы до вечера?» Он сказал твердо: «Нет, надо в больницу, надо лечиться». Он верил и сражался.

Гоар Леоновна была рядом до последнего. Вот эпизод, над которым я долго думал: приводить ли его в книге? Очень уж личное, интимное, неимоверно тяжелое. Но решил, что надо, чтобы знали, как биться и хранить гордое достоинство до последнего вздоха.

Геворк Андреевич уже уходил. Наступали последние часы. И вдруг он глазами показал жене на тумбочку у кровати, попытался что-то произнести. Она, всегда понимавшая его с полувзгляда и полуслова, поняла и сейчас. Взяла зубной протез, вставила. Он знал, что всё заканчивается, и хотел даже тут, в этот самый последний момент выглядеть достойно. И еще хотел, чтобы в часы прощания люди видели его привычным, сильным, таким, каким он был всегда.

Очень горько. Понимаете? Уходила основа. Чего-то не стало хватать. Оставалась ли без него вера, которую он давал нам, его знавшим, естественно и, казалось, без усилий? Нет, не зияющая пустота, но потеря — и теперь, несколько лет спустя, понятно, — невосполнимая. Ему было много лет, которых никто не чувствовал: мы как-то встречали его с шофером, и тот, впервые увидев хорошо одетого, подтянутого, уверенно вышагивающего Вартапяна, вдруг выпалил: «Европеец. Да ему всего-то лет шестьдесят».

Его не стало. И усадить себя за книгу было тяжело. На моем компьютере я поместил фото улыбающегося Вартапяна. Есть же, должны быть люди, остающиеся для тебя примером. Мой покойный отец, работавший до последнего дня, теперь вот Геворк Андреевич...

Звонил Гоар Левоновне, спрашивал: «Как?» Она отвечала: «Сижу. Пью чай. Что я, когда ушел он...» Не хандра, но пустота. Нет героя, имеющего право поставить свою точку в любом споре. Интересно, как без него? Хотя нет — без него неинтересно.

И мне, которому повезло ближе, чем другим журналистам, писателям, историкам разведки, знать Героя Советского Союза Вартапяна, предоставлена честь поведать о нем правду. Да, это будет лишь часть правды, какая-то ее малая толика. Некоторые мои коллеги уже даже выразили свое сочувствие. Мол, все равно будешь крутиться вокруг «разрешенного» Тегерана. И нет смысла отвечать им: «Не только».

Я очень боюсь сфальшивить. Сделать что-то не так. Нарисовать «икону». Хотя в разведке он так и остался ею.

И еще важное — хочу, чтобы поняли. Даже то небольшое, о чем, бывшем после Тегерана, было разрешено рассказать при его жизни, это всего лишь остров в море неизвестности.

Я согласился с такими условиями. Прошу и вас, дорогой читатель, принять их. Мы с вами будем играть по правилам разведки.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

ИРАН БЫЛ НАШПИГОВАН АГЕНТУРОЙ

В конце 1930-х, когда война была на пороге, в Тегеран стремились со всей Европы. Огромный персидский город казался той же нейтральной Швейцарией, только азиатской, до которой может и не докатиться Вторая мировая.

Правдами и неправдами добыв драгоценные въездные визы, здесь оседали в надежде переждать войну люди из разных стран, в основном, разумеется, богатые. Их не тревожили дороговизна и инфляция с невиданными — для Ирана и иранцев — ценами. Главное было пересидеть, выжить.

Целые кварталы заселяли теперь иностранцы. Среди них было много, очень много немцев. По некоторым свидетельствам — об этом говорил мне и Геворк Андреевич Вартамян, — тысяч двадцать.

20 тысяч из 750, населявших в то время Тегеран.

Да, среди немцев были и антифашисты, бежавшие от гитлеровской расправы, и евреи, спасавшиеся от неминуемого гетто. Естественно, перебирались сюда, лишь бы подальше от рейха, и просто осторожные немцы, надеявшиеся тихо переждать тяжелые времена. Однако в этом людском потоке было довольно легко затеряться и гитлеровским агентам, наводнившим стратегически важный район. Тем более что правивший страной Реза-шах Пехлеви чуть ли не открыто симпатизировал Германии.

Живя и работая в Иране уже в 1970-х, я пытался понять, что же лежало в основе такой привязанности. Откуда у верхов этой страны было подобное восхищенное восприятие фашизма, в принципе идеологически чуждого, никак не родственного этому региону с его многовековой культурой и религией? Пожилые иранцы, пережившие войну, с которыми мне довелось беседовать, отвечали единодушно. Во всем, по мнению собеседников, был виноват Реза-шах, обманутый Гитлером. Фюрер провозгласил неоспоримое мировое главенство арийской расы. И когда иранский диктатор причислил к «высшей расе» персов, то хитроумный Адольф позволил правителю, помешанному на этой идее, наслаждаться своей придумкой. На нее тогда клюнули многие: в Германии иранцы были объявлены «чистокровными арийцами».

И ведь даже десятилетия спустя у интеллигентных персов, совсем не германофилов, иногда невольно прорывалось: «Но так оно и есть! Не зря же наша держава именовалась Арией — ее действительно населяют арийцы». Ну как тут не вспомнить: «Истинный ариец. Характер нордический».

Может, и примитивно, но во многом объясняет ситуацию. Шаха поддержали, фашистская идеология захватила страну, точнее ее верхушку. Иранский исследователь Амини свидетельствовал: «Фашистские агенты находились среди министров, депутатов меджлиса (парламента. — *Н. Д.*), генералов, государственных чиновников, купцов и промышленников».

Плохо излечимая зараза осознания своего «национального превосходства» распространялась, проникала всё дальше и вглубь.

По данным советской разведки, огромный интерес немцев к Ирану проявился еще в 1937 году. Приезжавшие туда фашистские идеологи пытались помочь единомышленникам организовать юношеское движение, которое бы воспитывало молодежь в нацистском духе — нечто типа небезызвестного гитлерюгенда.

Рассекречено:

Вот строки из впервые публикуемого донесения советской разведки под названием «Разведывательная деятельность оси в Иране» от 1 ноября 1942 года:

«В середине 1938 года немцы стали значительно более активны и для политической деятельности стала применяться коммерческая ширма. В сентябре этого года число немцев, прошедших курсы специальной подготовки и обосновавшихся в Тегеране, значительно увеличилось с целью возбудить беспокойство».

Люди из Берлина добрались даже до неподвластных Реза-шаху далеких племен. Демонстрируя преклонение перед иранским союзником, немецкие агенты не чурались работы и с ними. А в пятидесяти национальных министерствах и крупных государственных учреждениях обосновались руководители, чьи взгляды были близки к нацистским. Некоторых из них уже завербовал абвер.

Поверенный в делах США в Иране Энгерт сообщал в Вашингтон: «Страх перед коммунизмом привел шаха к надежде, что только Гитлер может сейчас защитить Иран от большевистского вторжения».

Возможно, что страх перед большевизмом засел в будущем иранском диктаторе еще с тех далеких времен, когда он, неприметный офицер, служил в русской казачьей бригаде, которой командовал полковник Лохов. Бригада квартировала в иранской столице. Офицеры были казаки, рядовые — персы.

Реза-шах, как считают его современники-иранцы, говорил по-русски — по крайней мере, был вынужден сразу выучить необходимый минимум команд на чужом языке. Службу он начинал с рядового. Одно это уже полностью разрушает миф, создававшийся в Иране. Народу пытались внушить, будто Реза Пехлеви — потомок древних персидских правителей, вершить судьбами соотечественников ему уготовано

свыше. Однако дисциплинированность и трудолюбие позволили ему со временем дослужиться до полковника. По воспоминаниям современников, приход в Иран корпуса генерала Баратова он, в отличие от многих персов, воспринял спокойно: ведь началась Первая мировая война, и русские пришли, чтобы обеспечить безопасность своего соседа.

Но в 1917-м грянула революция, о которой Реза-шах вспоминал с ужасом. Наступили иные времена. И вот тогда, словно бы подхваченный непонятной волной, совсем не удалой казачий офицер-перс занял шахский трон. Он поклонялся, возможно, и не самому Гитлеру — скорее фашистским идеям. С давних пор его Персия сражалась с русскими и англичанами, так что Реза-шах поставил на Германию. Известный принцип: враги наших врагов — наши друзья.

Но, кстати, и с офицерами из корпуса генерала Баратова у шаха сохранились определенные отношения. Те из людей Баратова, кто предпочел после революции остаться в Тегеране, чувствовали себя здесь относительно вольготно. Некоторые вступили в белогвардейские отряды, совершавшие бандитские налеты на советскую территорию, а затем немедленно отходившие в Персию.

В предвоенные годы, как мы сказали, Тегеран был буквально наводнен немцами. Понятно, что невозможно было отличить всякого рода коммерсантов, посредников, предпринимателей крупных и мелких — от профессиональных шпионов, которых абвер и гестапо, пользуясь благоприятной для себя обстановкой, внедряли в страну. Хотя симпатии Реза-шаха были настолько явны, что немцы поначалу работали в Иране чуть ли не в открытую. Без опаски вербовали иранцев, выискивая нужных для себя источников среди самых-самых верхов.

С приближением Второй мировой войны военный альянс двух диктаторов — Реза-шаха и Гитлера — становился угрожающим. За три месяца 1940 года рейх поставил в Иран око-

ло трех тысяч пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки продолжались и в начале 1941-го. В эти два года на Германию приходилось 45,5 процента товарооборота Ирана. Однако, вывозя в рейх сырье, страна мало что получала взамен. За исключением оружия, разумеется.

Зато немцы всё решительнее укреплялись в Иране. Фактически все железные дороги не только контролировались, но и управлялись ими. При этом даже паровозные бригады сплошь и рядом состояли из граждан рейха.

Иран усилиями немцев превратился в плацдарм для ведения любых нужных Берлину враждебных действий против СССР. Как знать, решился бы фюрер использовать Иран в качестве плацдарма для начала боевых действий — и противостоять гитлеровской агрессии на этом южном фланге было бы некому. Историки не отрицают возможности этого варианта.

В любом случае Гитлер отводил Ирану роль важнейшую. Страна была богата нефтью, через Персию лежал путь в Афганистан и дальше в Индию, куда фюрер намеревался двинуть армию, покорив Россию. Существовали также планы использовать Иран и для прохода немецкой армии напрямик в Советский Азербайджан, так богатый необходимой фюреру нефтью, — но это уже в ходе войны.

Между тем с нападением Гитлера на Советский Союз Персия превращалась в важнейший пункт и для союзных держав: через нее в СССР шли американские и английские поставки. Немалую иранскую территорию пересекали разветвленные железнодорожные магистрали, по которым и направлялись в Советский Союз стратегические поставки по лендлизу, жизненно необходимые для ведения войны.

Разумеется, немецкая разведка знала назубок, что и как перевозится — ведь многие гитлеровские разведчики и агенты работали под прикрытием транспортных контор, колесили по стране, безбоязненно проводили множество встреч

с иранскими источниками. К тому же с территории соседней Персии в СССР постоянно забрасывались диверсанты.

Так что хотя еще в 1939 году, с началом Второй мировой, Иран сразу же заявил о своем нейтралитете, его реально не было и в помине.

25 июня 1941-го Германия потребовала от Ирана вступления в войну. Но шах колебался, мнения членов Высшего военного совета страны разделились, и большинством голосов всё же решили, что надо подождать.

Тогда Гитлер обратился с личным посланием к шаху, требуя, как он предполагал, не поддаваться нажиму Англии и СССР. В Тегеран тайно приезжал шеф абвера адмирал Канарис: его боевики приступили к подготовке переворота, чтобы сместить колеблющегося союзника.

Впрочем, немцы не торопились. Они собирались сначала добиться скорых и решающих побед на Восточном фронте, а вот уж потом взяться и за южное направление. Так что сроки переворота, назначенного поначалу на 22 августа 1941 года, постоянно переносились. К тому же в Берлине не теряли надежды, что Реза-шах вполне может «исправиться» и открыто перейти на сторону Германии, а потому упорно продолжали втягивать Иран в войну.

В общем, грозные события назревали. Остановить их, кажется, не помогли и трижды сделанные после нападения Гитлера на СССР официальные предупреждения советской стороны. Причем дважды ноты передавались одновременно с союзническими — английскими...

Наконец, ранним утром 25 августа 1941 года послы СССР и Великобритании вручили Реза-шаху ноты своих правительств. В соответствии со статьей 6-й Советско-иранского договора 1921 года, Советский Союз ввел в Иран свои воинские части. Решение было согласовано с Великобританией и США.

Успели! Ведь тогда же, 25 августа, только немного позже, германский посол, он же офицер СС фон Эттель, вручил Ре-

за-шаху ноту Гитлера, за которой могло бы последовать фашистское вторжение. Но он опоздал, о чем Эттелю с огорчением поведал сам шах.

Советская группировка заняла северные провинции Ирана, английская — юго-западные. 17 сентября войска вошли в Тегеран. Призывов шаха к вооруженному сопротивлению не услышал никто. В СССР из произошедшего делать большого события не собирались. Лишь ТАСС без всяких подробностей известил, что «17 сентября советские войска вступили в Тегеран». Потом, уже в конце 1942 года, в двух иранских портах разместился еще и незначительный контингент американцев.

Сопротивления иранцы фактически не оказывали. Так, было лишь несколько незначительных стычек с фанатичными приверженцами шаха. Англичане потеряли 22 человека убитыми, о советских потерях не сообщалось, хотя и здесь, по неофициальным данным, они были. Но столь незначительные, что можно констатировать: крупная войсковая операция прошла практически бескровно. После вступления в Иран советских и английских войск положение было взято под тотальный контроль союзников.

Согласно заключенному соглашению дипломатов Германии, Италии и Японии выслали из страны, а члены немецкой колонии должны были быть переданы союзникам.

Реза-шах собирался отправиться в Индию, чему воспротивились англичане, и ему пришлось обосноваться на острове Маврикий. Затем — перебираться в Южную Африку. Что ж, изгнание — удел многих диктаторов, и для большинства из них это наилучший вариант. Смещенный с престола иранский диктатор скончался в Йоганнесбурге в 1944 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

На престол вступил новый шах, Мохаммед Реза Пехлеви, которому суждено было пребывать у власти аж до февраля 1979 года. Сын был гораздо осторожнее в выборе политиче-

ских друзей и союзников, однако впоследствии и он повторил судьбу отца: революция, бегство, изгнание. А затем — скорая кончина на чужбине.

Припоминаю, что иногда в Париже в конце 1980-х — начале 1990-х годов на дорожной трибуне теннисного стадиона «Роллан Гаррос» появлялась в сопровождении разодетой свиты пышная дама в огромнейшем шапо — вдова шаха. Видимо, с финансами у семьи сбежавшего монарха было всё в порядке.

И еще одно интересное, на мой взгляд, замечание. После исламской революции 1979 года статья 6-я Советско-иранского договора от 1921 года была в одностороннем порядке отменена новым режимом...

Вступивший на престол в сентябре 1941 года молодой шах Мохаммед Реза Пехлеви был вынужден проводить политику более гибкую, отношения между Ираном и союзническими державами налаживались. Теперь уже сомнений в том, что советско-иранская граница на замке, не возникало — никаких серьезных возможностей для высадки немцев поблизости от наших территорий не было.

Гитлеровская разведка прозевала подготовку крупной войсковой операции союзников. Никаких мер для недопущения ввода в Иран советских и английских войск принято не было. Наверняка тут сыграла свою роль и самонадеянность фашистов. Слишком уж уверовали они в свою победу, пройдя по Европе эдакой легкой поступью.

Но всё же гитлеровская разведка сумела сохранить в стране свою мощную агентуру. Не зря в советской ноте указывалось: «Германские агенты самым грубым и беззастенчивым образом превратили территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на Советский Союз. Это требует от Советского правительства немедленного проведения в жизнь всех тех мероприятий, которое оно не только вправе, но и обязано предпринять в целях самозащиты».

Однако борьба разведок на территории древней Персии продолжалась до самого окончания войны. В ней участвовала и группа «Легкой кавалерии», возглавляемая героем нашей книги Геворком Вартаняном.

Немцы сопротивлялись упорно. Кто именно? Всё в той же августовской ноте 1941-го появился список, в котором прямым текстом назвали фамилии шпионов — и немецких, и их местных агентов. Затем еще этот список был пополнен. Любопытные в нем попадались имена: Шульц (или Шульце-Хольтус), Гамотта, Майер...

Рассекречено

Привожу документы, впервые предоставленные для этой книги Службой внешней разведки России. Из многостраничного, напечатанного мелким шрифтом списка, составленного разведкой, я выбрал лишь десяток немецких шпионов и их иранских агентов. Я не правил и не вносил поправок в написание имен, фамилий и в своеобразные формулировки.

А так как большинство «серьезных» агентов крутится вокруг трех имен — Гамотты, Шульце и Майера, то с них и начну.

«Майер Франц, немец.»

Родился в Баварии. Настоящее имя — Рихард Август.

В сентябре 1939-го — феврале 1940 года работал в СССР под прикрытием сотрудника компании “Рейхсгрупп Индустрии”. Уже в Берлине в своем докладе о потенциале СССР критиковал утверждение русской белой эмиграции о назревании антибольшевистского восстания, утверждая, что “для этого нет никаких предпосылок”. Красную армию называл “сильной”, экономику страны считал “на подъеме”. С докладом были ознакомлены все нацистские министерства рейха и зарубежные миссии. У нацистских политиков доклад не вызвал доверия, дипломаты сочли его объективным.

В ноябре 1940 года прибыл в Иран вместе с Рамоном Гамоттой под видом служащего “Нувель Иран Экспресс”, где занимал официальную должность по импорту товаров из Германии в Иран.

Являлся главным представителем VI управления Главного управления имперской безопасности СС в Тегеране. По некоторым данным — штурмбаннфюрер СС. К моменту приезда в Иран — 37 лет.

Затем был послан со спецзаданием в Ирак: должен был склонить правительство Ирака возобновить дипломатические отношения с Германией и организовать снабжение иракской нефтью на особо выгодных условиях.

После этого бывал в Иране. В советской ноте иранскому правительству в августе 1941 года упоминался как агент. Бежал 15 сентября 1941 года и не был обнаружен.

Точных инструкций ни Майер, ни прибывший вместе с ним в Тегеран Гамотта Рамон от Берлина не получили. В сентябре 1941 года после неожиданного для немцев ввода советских войск остался без связи с Берлином. Скрывался, по некоторым данным, три месяца на тегеранском кладбище под видом могильщика. Выкрасил волосы хной.

Умело уходил от наружки, менял внешность. Появлялся в городе в форме офицера иранской армии. Много общался с теми местными жителями, кто симпатизировал фашизму, чему способствовало хорошее знание языка фарси. В апреле — мае 1942 года появился в Тегеране, где нашел убежище у иранских сторонников. Развернул активную работу против СССР и Англии, опираясь и разжигая националистические движения. Установил радиосвязь с Берлином. Попытка стать единоличным руководителем всех операций, успешно отте-свив при этом представителей абвера.

Участвовал в создании националистических организаций, партий, разрабатывал для них не только идеологические принципы, но и эмблему, похожую на свастику. Контро-

лировал наличие оружия у иранских офицеров, готовых к совершению государственного переворота. Благодаря внедрению нашего агента “Хана” 167 иранских активистов были арестованы в 1943 году.

Словесный портрет Майера, объявленного в розыск, составлен тегеранской резидентурой: рост — высокий, лицо круглое, глаза голубые. Волосы длинные, зачесаны назад. От левого глаза до уха — шрам. Безымянный палец левой руки короткий, обрублен. На груди — след ожога. Вероятно, следы ранения. Хорошо играет в местную игру нарды...

Арестован англичанами в 1943 году до начала Тегеранской конференции. Характеризуется ими как “молодой, энергичный, истеричный, отважный человек. Типичный эсэсовец. Фанатик национал-социализма, считающий себя сверхчеловеком”».

От автора:

Тут вставлю признание, сделанное мне однажды Геворком Андреевичем Вартаняном:

— Мы две недели водили Майера. Искали и нашли. Но... Англичане вывели его уже в наручниках. Вот вы спрашиваете о неудачах. Тогда у нас в глазах прямо слезы стояли. Есть информация, что британцы не стали держать Майера в Иране. Переправили в Индию. Далее о его судьбе ничего не известно. Возможно, использовался СИС в своих целях...

«Гамотта Рамон, австриец, офицер СД.»

Приехал в Вену, где сделался руководящим австрийским нацистом и диверсантом. Был арестован австрийской полицией, но бежал в Германию. Полагают, что во время польской кампании (Гитлера. — Н. Д.) служил в восточно-прусской дивизии, после чего был переведен во Францию. Прибыл в Иран 8 ноября 1940 года с Францем Майером. Поступил на работу в компанию “Иран-экспресс”. Как говорят,

эта фирма служила ширмой. Компаньоном стал Майер. Гамотта — один из активных агентов. Знал русский язык. Пытался посеять смуту среди южных племен.

Имел связи с русскими белогвардейцами в Иране, которым передавал инструкции генерала Витковского из Парижа. Несомненно, замешан в шпионской работе в Азербайджане и на Кавказе. Его имя упомянуто в ноте советского правительства иранскому правительству от 25 августа 1941 года. О нем упоминается как о главе германской шпионской организации в Иране.

Бежал из Ирана и был принят на борт японского судна “Хиемару”. Но когда корабль обыскали в Рангуне, на борту его уже не было.

В мае 1942 года прошел слух, будто его снова видели в Тегеране. 12 июня, по непроверенным данным, Гамотта выступал по радио из Берлина.

Гамотту знал Гиммлер, писавший о нем Гитлеру: “Хотя враги назначили большую цену за голову Гамотты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран”.

Должен был принять активное участие в операции “Длинный прыжок”. В августе 1943 года приземлился на парашюте близ Тегерана. Установил связь с Майером, вместе с которым начал подготовку к покушению на “Большую тройку”. Координировал деятельность второй группы сброшенных им на подмогу диверсантов, подготовленных Отто Скорцени.

Гамотте удалось бежать из Ирана. Скрывался в Австрии, где и был арестован уже после войны.

Рост — 165 сантиметров, глаза голубые, шатен, приятной наружности. Возраст — около 40 лет.

Шульц или Шульце-Хольтус Бертольд.

45 лет, офицер в чине майора абвера, урож. и житель Берлина.

Работал в краковском отделе гестапо. Выдержанный, замкнутый, привязан к семье. Фашист. Владеет русским языком, которому выучился, находясь в плену в России. Специалист по СССР. Один из руководителей германской шпионской сети.

Прибыл в Иран в начале 1941 года под именем Бруно Шульце. Представлялся экспертом по вопросам религии. Через несколько месяцев работал под прикрытием генерального консульства Германии в Тавризе. После вступления союзных войск в Иран скрылся в посольстве Швеции. Затем бежал оттуда, действовал в подполье. Обосновался в кашкайских племенах, вожди которых выступали против центрального правительства. Шульце-Хольтус умело раздувал неприязнь между племенами и Тегераном. Разделил сферы влияния с Майером. Эсэсовец ограничил абверовца в принятии важных решений. Тем не менее получал помощь от тогда еще не закрытого посольства Японии в Тегеране: ему были переданы пять радиостанций, и Шульце-Хольтус установил связь с Берлином».

От автора:

По некоторым сведениям, Шульце-Хольтус настолько хорошо знал язык, обычаи, религию, что даже «преобразился» в муллу и читал по Джамэ — на фарси, по пятницам, молитвы в Исфагане. И здесь фашист весьма напоминает современных представителей религиозных экстремистов. Он якобы призывал к джихаду, звал народ к восстанию, изгнанию неверных — то есть русских и англичан из Ирана. (Всё же мне, прожившему в Персии несколько лет, в подобное сто процентное перевоплощение не верится. Европейцу просто невозможно настолько глубоко проникнуть в тонкости ислама. Знаю немало иранистов, блестяще владеющих фарси. Но и их «раскусить», понять, что язык пусть и хороший, но всё равно выученный, труда не составит не то что для

контрразведчика, но и для любого иранца. А уж что-то написать — вообще мука, дающаяся европейцам с трудом. — *Н. Д.*)

Трения между ведомствами Канариса (абвер — военная разведка и контрразведка) и Шелленберга (VI Управление РСХА — внешняя разведка) осложнили деятельность двух направлений фашистской разведки. Личные отношения двух оставшихся в Иране руководителей этих служб не сложились, обоюдная неприязнь превращалась в непримиримое соперничество.

Шульце-Хольтус действовал под видом муллы. Отрастил бороду, покрасил ее хной (типичный прием для немецких диверсантов) и под таким прикрытием обосновался в кашкайском племени вождя Насыр-Хана. Пытался устроить диверсии на иранском юге. В распоряжение племени были сброшены парашютисты под командованием оберштурмфюрера СС Мартина Курмиса, уничтожившего еврейское гетто в Каунасе. В 1944 году Насыр-Хан, спасая собственную жизнь, выдал обоих немцев английским союзникам. Курмис покончил с собой, а майор Шульце-Хольтус предстал перед судом. Отбыв срок, взялся за воспоминания. Издано несколько его книг.

«Гастерфельд Отто, немец.

Активный член нацистской партии. В октябре 1941 г. стал сотрудником организации Гамотты — Майера. По сообщениям агентуры является человеком тупым и неловким.

Каарден, немец.

...Является агентом пропаганды и сотрудником гестапо. Связан с Гамоттой — Майером.

Хегедус Юлиана, она же мисс Люси, венгерка, 1917 г.р.

Артистка кабаре. Живет под именем мисс Люси. Считалось, что она — еврейка, но в действительности является хри-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru